

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСЛЕ 2022 ГОДА

И. А. Дерябина

Статья представлена научным руководителем – к. полит. н., доц. Пронякиной Е. Д.

Статья посвящена трансформации арктической политики России после 2022 г. Автор констатирует постепенное разрушение концепции «арктической исключительности» и переход региона от зоны диалога к арене геополитического противостояния. Выделены четыре группы вызовов: институциональный кризис (паралич Арктического совета), милитаризация и расширение НАТО, санкционное давление и технологическая блокада, информационная война и феномен постправды. Особое внимание уделено двойственной роли неарктических государств (Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Сингапур), сотрудничество с которыми создаёт как возможности для компенсации ухода западных партнёров, так и новые риски для безопасности. На основе анализа российских источников делается вывод о необходимости адаптации России к новой реальности, сочетающей жёсткое отстаивание национальных интересов с поиском альтернативных форм международного взаимодействия.

Ключевые слова: Арктика, региональная безопасность, арктическая политика России, Арктический совет, НАТО, неарктические государства, Китай, санкции, информационная война.

Введение

Вопрос о правовом статусе Арктики на протяжении десятилетий оставался предметом научных дискуссий и межгосударственных согласований, однако до недавнего времени регион сохранял особый статус «территории диалога». В академическом дискурсе, начиная с 2010-х годов, сформировалось понятие «арктической исключительности», под которым понималась способность арктических государств выстраивать конструктивное сотрудничество вне зависимости от глобальной и региональной политической конъюнктуры. Как отмечают исследователи в области Арктики, эта парадигма сегодня окончательно разрушена. М. Беннетт и К. Доддс в монографии «Разморозка: борьба за будущее Арктики» констатируют: «То, что мы раньше называли арктической исключительностью, было полностью разрушено» [8, с. 267]. Российские эксперты В. П. Журавель и С. Н. Гриняев, анализируя этот труд, подтверждают, что прежнее видение Арктики как «полюса мира», сформулированное в

мурманской речи М. С. Горбачева 1987 г., более не достижимо [8, с. 269].

События 2022 г. стали катализатором фундаментальных изменений в системе международных отношений в Арктике. Начало специальной военной операции на Украине привело к беспрецедентному разрыву отношений между Россией и остальными западными арктическими государствами. Семь стран – членов Арктического совета (Дания, Исландия, Канада, Норвегия, США, Финляндия, Швеция) объявили о приостановке участия во всех мероприятиях, проходящих под председательством России и на её территории. Как отмечают в своём исследовании А. О. Баранникова и С. М. Смирнов, «раскол, или даже развал Арктического совета, неизбежный в случае дальнейшей изоляции России, отражается на арктических устремлениях» не только нашей страны, но и других государств региона [2, с. 85]. Фактически была парализована работа главной международной площадки, десятилетиями обеспечивавшей циркумполярное сотрудничество.

В этих условиях Арктика окончательно перестаёт быть «зоной диалога» и превращается в арену геополитического противостояния. Вступление Финляндии и Швеции в НАТО, рост военной активности альянса в регионе, беспрецедентное санкционное давление – все эти факторы формируют новую реальность, к которой вынуждена адаптироваться Россия как крупнейшая арктическая держава. К. С. Зайков и Д. С. Кортунов в работе, посвящённой феномену постправды, подчёркивают, что «сегодня Арктика является одним из ключевых регионов, где разворачивается противостояние ведущих государств мира» [10, с. 150]. При этом они обращают внимание на важнейший аспект – информационное измерение этого противостояния, где образ России систематически искажается западными средствами массовой коммуникации [10, с. 152-153].

Одним из принципиально новых явлений после 2022 г. стало качественное изменение роли неарктических государств, прежде всего Китая, в арктических процессах. Если ранее их присутствие рассматривалось преимущественно в экономической и научной плоскостях, то в новых геополитических условиях вовлечённость внерегиональных игроков приобретает отчётливое военно-стратегическое измерение. Углубление сотрудничества России с Китаем в Арктике, с одной стороны, открывает возможности для компенсации ухода западных партнёров, но с другой – объективно усиливает конфронтационность Запада и используется НАТО для обоснования наращивания военного присутствия. Позиции в отношении арктического региона других азиатских государств – Японии, Южной Кореи, Индии, Сингапура – также претерпели изменения, создавая сложную мозаику интересов и рисков.

Актуальность темы определяется необходимостью осмысления принципиально новой ситуации, сложившейся в Арктическом регионе после 2022 г., с

акцентом на проблемы региональной безопасности. Целью работы является анализ рисков, с которыми столкнулась Россия, включая институциональную изоляцию, милитаризацию, санкционное давление и информационную войну, а также исследование двойственных последствий вовлечения неарктических государств в арктические процессы. Исходя из поставленной цели, в статье последовательно рассматриваются внешние и внутренние вызовы, новая архитектура безопасности с участием внерегиональных игроков, а также меры, предпринимаемые Россией для адаптации к изменившимся условиям. В заключении подводятся итоги анализа и обосновывается вывод о необходимости адаптации России к новой реальности, сочетающей отстаивание национальных интересов с поиском альтернативных форм международного взаимодействия в Арктике.

Новые вызовы для политики России после 2022 года.

После 2022 г. Россия столкнулась в Арктике с комплексом взаимосвязанных рисков, которые можно сгруппировать в четыре основных направления: институциональный кризис и изоляция от многосторонних форматов, беспрецедентная милитаризация региона и расширение присутствия НАТО, санкционное давление и технологическая блокада, а также системная информационная война. Рассмотрим каждый из этих вызовов подробнее.

Первый и наиболее системный риск связан с институциональным кризисом и фактической изоляцией России от многосторонних форматов арктического сотрудничества. Арктический совет, созданный в 1996 г. как ведущий орган регионального управления, на протяжении четверти века служил уникальной площадкой, где вопросы экономики, экологии и науки решались вне логики геополитического противостояния. Однако после марта 2022 г. ситуация кардинально изменилась. Семь западных государств –

членов Совета объявили о «паузе» в сотрудничестве с Россией, что привело к приостановке 128 научных и кооперационных проектов [6, с. 105]. Как отмечают авторы монографии «Разморозка» М. Беннетт и К. Доддс, на политическом и дипломатическом уровне Арктический совет фактически прекратил свою работу [8, с. 267]. Российские эксперты В. П. Журавель и С. Н. Гриняев подчёркивают парадоксальность сложившегося положения: западные страны, инициировавшие бойкот, сами признают, что работа Совета без участия России теряет смысл, поскольку 40 % территории региона входят в состав Российской Федерации [8, с. 268]. Тем не менее, как констатирует В. П. Журавель в обзоре 2024 г., к концу года Норвегии, председательствовавшей в Совете, удалось восстановить лишь деятельность рабочих групп, а контакты с Россией носили эпизодический характер и осуществлялись преимущественно в дистанционном формате [6, с. 106]. Это означает, что Россия утратила возможность напрямую влиять на формирование повестки и принятие решений по ключевым вопросам арктического управления на основной международной площадке.

Второй риск носит военнополитический характер и связан с беспрецедентной милитаризацией региона и расширением присутствия НАТО. Вступление Финляндии и Швеции в Североатлантический альянс кардинально изменило баланс сил. Все арктические страны, за исключением России, теперь входят в НАТО. Заместитель секретаря Совета Безопасности РФ М. Попов ещё в начале 2022 г. указывал, что США на арктическом направлении предусматривают расширение военного присутствия путём развёртывания эсминцев в Баренцевом море, строительства новых тяжёлых ледоколов и создания объектов базирования военно-морских сил. Эти планы активно реализуются.

Особенно показательной является динамика военных учений НАТО в Арктике после 2022 г. Если в период с 2014

по 2021 гг. учения проводились с частотой один-два крупных мероприятия в год, то начиная с 2022 г. их интенсивность резко возросла. Так, в 2022 г. прошли масштабные учения «Cold Response 2022» с участием около 30 тыс. военнослужащих [14]. В 2023 г. состоялись учения «Arctic Challenge Exercise 2023» с привлечением более 140 самолётов из стран НАТО и партнёров [13], а также противолодочные манёвры «Dynamic Mongoose 2023» в водах Исландии и Северной Атлантики [15]. В 2024 г. страны альянса провели ряд учений, включая «Steadfast Defender 2024» с участием 90 тыс. военнослужащих из всех 32 стран, «ICEX 2024» – подлёдные учения атомных подводных лодок США, а также «Northern Viking 2024» и «Dynamic Mongoose 2024» [16, 17]. Как отмечает исследователь И. А. Аржанов, «после 2022 года масштаб и частота учений НАТО в Арктике выросли в два-три раза по сравнению с предыдущим пятилетием» [1, с. 114].

Командующий Северным флотом А. Моисеев отметил, что в Арктике расположено до пятидесяти объектов военной инфраструктуры иностранных государств, включая 22 аэродрома и 23 военноморские базы [6, с. 110]. При этом, как подчёркивается в исследовании В. П. Журавеля «Арктика в 2024 году: международный и российский аспекты», анализ состава, содержания и направленности учений в сложных климатических условиях Заполярья свидетельствует о том, что страны НАТО расширяют район оперативного применения военно-морских сил в Северном Ледовитом океане и повышают интенсивность разведывательной деятельности [6, с. 111]. Для парирования возрастающих угроз Россия приступила к созданию Ленинградского военного округа.

Третий риск – санкционное давление и технологическая блокада, которые напрямую угрожают реализации ключевых экономических проектов в российской Арктике. После февраля 2022 г.

ряд крупных западных компаний объявил о выходе из арктических проектов. Норвежская Equinor, англо-голландская British Petroleum, французская Total приостановили своё участие, японские компании заморозили новые инвестиции в проект «Арктик СПГ-2», индийская государственная корпорация отказалась от планировавшихся вложений в «Восток Ойл» [9, с. 110]. Еврокомиссия наложила санкции на программу приграничного сотрудничества «Коларктик», в которой участвовали Россия, Финляндия, Швеция и Норвегия. Особенно болезненным стал уход технологических партнёров, поскольку освоение арктического шельфа и производство сжиженного природного газа требуют сложнейшего оборудования, которое ранее поставлялось преимущественно из недружественных стран. Как отмечают В. П. Журавель и Д. С. Тимошенко, в этих условиях России пришлось экстренно решать задачи импортозамещения, переориентации на внутренние ресурсы и поиска новых партнёров [9, с. 112-113]. Несмотря на санкционное давление, ряд крупных проектов, таких как «Ямал СПГ», продолжает функционировать, а китайские компании сохраняют присутствие в регионе [12, с. 177]. Однако риски срыва сроков и удорожания проектов остаются высокими. Заместитель председателя Правительства РФ Ю. Трутнев в 2024 г. указывал на существующие проблемы: стоимость кредитов делает неконкурентоспособными тарифы на ледокольное сопровождение, при дефиците грузового флота ледового класса мощности российских верфей позволяют построить до 2030 г. только 16 судов из 70 необходимых, а источники финансирования ряда ключевых инфраструктурных проектов до сих пор не определены [6, с. 112].

Четвёртый риск носит качественно иной характер – это информационная война и феномен постправды, системно искажающие образ России в Арктике и формирующие враждебный фон для лю-

бого будущего взаимодействия. К. С. Зайков и Д. С. Кортунов провели детальный контент-анализ 176 публикаций ведущих западных средств массовой коммуникации – The New York Times, The Washington Post, The Guardian, The Daily Telegraph – за период 2022-2025 гг. [10, с. 155-158]. Результаты этого исследования демонстрируют устойчивые манипулятивные нарративы. Российские действия в Арктике систематически интерпретируются исключительно как агрессивные и дестабилизирующие, тогда как аналогичные действия государств НАТО подаются как вынужденная оборона. В публикациях активно используются эмоционально окрашенные заголовки, происходит искажение причинно-следственных связей. Например, потепление в Российской Арктике напрямую увязывается с началом специальной военной операции, которая якобы препятствует западным учёным получать доступ к данным. Лесные пожары в Сибири объясняются тем, что пожарные силы задействованы на Украине [10, с. 160-162]. При этом, как подчёркивают авторы исследования, публикации о возможностях сотрудничества в Арктике практически отсутствуют – медиапространство монополизировано нарративами конфронтации и кризиса. Такое информационное давление формирует у зарубежной аудитории устойчивое предвзятое отношение к России, что в долгосрочной перспективе подрывает доверие и создаёт дополнительные препятствия для восстановления международного диалога в регионе. Авторы квалифицируют это как применение «оружия массового поражения в информационной сфере», последствия которого могут оказаться не менее разрушительными, чем экономические санкции [9, с. 165].

Роль неарктических государств в региональной безопасности

Кардинальные изменения архитектуры безопасности в Арктике после 2022 г. не ограничиваются только активизацией НАТО и институциональным

кризисом. Принципиально новым явлением стало качественное изменение роли неарктических государств, прежде всего Китая, в региональных процессах. Если ранее их присутствие рассматривалось преимущественно в экономической и научной плоскостях, то в новых геополитических условиях вовлечённость внерегиональных игроков приобретает отчётливое военно-стратегическое измерение, создавая для России как возможности, так и принципиально новые вызовы в сфере безопасности.

Китай, позиционирующий себя как «приарктическое государство», после 2022 г. значительно активизировал сотрудничество с Россией в регионе. Как отмечают М. В. Черняев, Е. А. Егорычева и Е. Ю. Сидорова, ухудшение отношений России с коллективным Западом стало фактором, способствующим сближению интересов двух стран по исследованию Арктики [12, с. 175]. В 2017 г. страны объявили о намерениях продвигать сопряжение проекта «Один пояс – один путь» и Евразийского экономического союза, связав эту инициативу с Северным морским путём. Практическая реализация этих договорённостей выразилась в беспрецедентном участии китайских компаний в крупнейших энергетических проектах. Доля Китая в проекте «Ямал СПГ» составляет 29,9 %, в проекте «Арктик СПГ 2» – 20 % [12, с. 178]. В июне 2024 г. была открыта летняя судоходная линия между портами КНР и Архангельском через Северный морской путь, на которой работают четыре китайских контейнеровоза. Китайские судоходные компании увеличили количество рейсов по Севморпути почти в два раза – с семи в 2023 г. до тринадцати в 2024 г. [12, с. 179]. В сфере освоения Северного морского пути китайская компания China COSCO SHIPPING Corporation Limited совместно с Фондом Шёлкового пути и российской компанией «Совкомфлот» договорились о создании транспортного предприятия «Морской арктический транспорт», деятель-

ность которого направлена на обеспечение круглогодичной транспортировки сжиженного природного газа [4, с. 364].

Однако та же самая активизация китайского присутствия, которую Россия рассматривает как необходимое замещение западных партнёров, западными государствами интерпретируется принципиально иначе. Как отмечается в исследовании Э. З. Галимуллина, В. Б. Кашина и А. С. Крамаренко, «активизация НАТО в Арктике за последнее десятилетие была связана и с растущим вниманием Китая к региону» [4, с. 360]. В официальном коммюнике Брюссельского саммита 2021 г. было прямо заявлено, что амбиции и поведение Китая создают системные вызовы для основанного на правилах международного порядка, а также непосредственно для безопасности Североатлантического альянса [4, с. 362]. Таким образом, углубление российско-китайского сотрудничества в Арктике объективно становится дополнительным фактором, усиливающим конфронтационность Запада и используемым для обоснования наращивания военного присутствия НАТО в регионе [5].

Военно-политическое присутствие Китайской Народной Республики в Арктике после 2022 г. также претерпело изменения. Как отмечают исследователи, сегодня опасения западных стран усиливают военно-политическое взаимодействие Китая с Россией. В условиях перераспределения оборонных расходов России в пользу украинского конфликта, по мнению западных экспертов, РФ может пойти на предоставление своему восточному соседу ещё больших преференций и возможностей для расширения присутствия в регионе [4, с. 366]. В апреле 2023 г. на учениях в Баренцевом море в качестве наблюдателей присутствовала делегация из Китая, а месяцем ранее было заявлено о готовности двух стран создать совместный рабочий орган по развитию Северного морского пути. При этом, как подчёркивают авторы, возможность формирования именно военного альянса

России и Китая представляется маловероятной – договор об обороне с Корейской Народно-Демократической Республикой 1961 г. остаётся единственным подобного рода китайским документом [4, с. 367]. Интерес КНР к Севморпути характеризуется скорее как стратегический, нежели тактический, и связан с планами Китайской национальной ядерной корпорации по созданию собственных атомных ледоколов [12, с. 181].

Эта двойственность для России усугубляется тем, что Китай, углубляя сотрудничество с Россией, одновременно стремится сохранить баланс и поддерживает отношения с другими арктическими государствами. Как отмечают Черняев, Егорычева и Сидорова, став наблюдателем в Арктическом совете, Китай ищет возможности для расширения сотрудничества не только с Россией, но и с другими странами региона, включая Исландию и Норвегию [12, с. 180]. Стараясь сохранить баланс сил влияния в Арктике, Китай по-прежнему стремится к интернационализации арктических проектов и привержен многостороннему подходу развития региона. Более того, несмотря на стратегическое партнёрство с Россией, китайские компании проявляют осторожность в отношении санкционных рисков. В декабре 2023 г. китайские компании CNPC и CNOOC под давлением американских санкций были вынуждены приостановить формальное участие в проекте «Арктик СПГ 2», хотя и продолжили поставки газотурбинного оборудования и других технологий [12, с. 182]. Это демонстрирует, что даже ближайший стратегический партнёр вынужден учитывать внешние ограничения, что создаёт для России дополнительные риски нестабильности в долгосрочных проектах.

Позиции других неарктических государств – Японии и Южной Кореи – также претерпели изменения после 2022 г., но принципиально иного характера. Обе страны, будучи союзниками США, под давлением санкционной политики были

вынуждены заморозить или существенно ограничить своё участие в российских арктических проектах. Как отмечают А. О. Баранникова и С. М. Смирнов, Япония после обострения украинского кризиса поставила на паузу многие перспективные направления сотрудничества, включая проекты модернизации инфраструктуры в российской Арктике и разработки новых месторождений [2, с. 88]. При этом Япония, не желая рисковать энергетической безопасностью, в 2022 г. увеличила закупки российского сжиженного природного газа и периодически закупает небольшие объёмы нефти и нефтепродуктов. Японская судоходная компания Mitsui O.S.K. Lines продолжает эксплуатировать крупнейший в мире флот танкеров-газовозов с высоким арктическим классом, при этом практически весь командный состав этих судов состоит из граждан России [2, с. 89].

Аналогичная ситуация сложилась с Южной Кореей, которая заморозила проекты строительства газозовов ледового класса для России, предназначенных для обслуживания проекта «Арктик СПГ 2». В то же время, как подчёркивают авторы, крупный бизнес Южной Кореи, особенно занятый в судостроении, автомобилестроении и производстве бытовой техники в России, наиболее сильно пострадал от антироссийских санкций. Бизнес и научные круги понимают, что замораживание ситуации из-за конфликта в другой части света больше всего ударяет именно по Южной Корее: Китай постепенно заполняет освобождающиеся сырьевые ниши на обширном российском рынке как в области арктического судостроения и океанотехники, так и в организации линейного транзитного судоходства по Северному морскому пути [2, с. 89-90].

Отдельного внимания заслуживают арктические амбиции Индии и Сингапура, имеющих статус наблюдателей в Арктическом совете. География показывает, что транзит по трассам Северного морского пути, а также импорт углево-

дорогов с арктических месторождений для этих стран может представлять интерес исключительно в теоретическом плане. Однако, как отмечают Баранникова и Смирнов, сингапурские компании, имеющие хорошие позиции на рынке строительства судов портфлота и производства портово-перегрузочного оборудования, вполне могли рассчитывать на получение контрактов на модернизацию российских арктических портов [2, с. 87]. Индия же повернулась в сторону Арктики, скорее, по политическим причинам – чтобы своевременно реагировать на действия своего основного геополитического противника, Китая. При этом руководство страны постоянно подчёркивает, что приоритетом Индии в Арктике являются научные исследования и сохранение окружающей среды, что зафиксировано в стратегическом документе «Арктическая политика Индии», опубликованном в марте 2022 г. [2, с. 88].

Заключение.

Проведённый анализ позволяет констатировать, что система международных отношений в Арктике после 2022 года вступила в принципиально новую фазу своего развития, характеризующуюся окончательным разрушением прежней парадигмы «арктической исключительности». Концепция, позволявшая региону на протяжении десятилетий оставаться пространством конструктивного диалога вне зависимости от глобальной политической конъюнктуры, утратила своё значение. Как показано в работах зарубежных и российских исследователей, Арктика сегодня представляет собой арену геополитического противостояния, где военно-силовые инструменты начинают доминировать над дипломатическими механизмами, а институциональная архитектура, выстраивавшаяся четверть века, оказалась парализованной.

Для России сложившаяся ситуация содержит комплекс взаимосвязанных рисков, затрагивающих ключевые измерения национальной безопасности. Ин-

ституциональная изоляция и фактическое отстранение от работы Арктического совета лишили Россию возможности напрямую влиять на формирование повестки регионального управления на основной международной площадке. Стремительная милитаризация региона и расширение присутствия НАТО, включая вступление Финляндии и Швеции в альянс, создали принципиально новую военно-стратегическую реальность у северных границ России. Беспрецедентное санкционное давление и технологическая блокада поставили под угрозу реализацию ключевых экономических проектов и обострили проблему импортозамещения в критически важных областях. Системная информационная война, формирующая искажённый образ России в западном медиапространстве, подрывает доверие и создаёт дополнительные препятствия для восстановления международного диалога в долгосрочной перспективе.

Принципиально новым явлением после 2022 г. стало качественное изменение роли неарктических государств в арктических процессах, несущее для России двойственные последствия. Углубление сотрудничества с Китаем стало объективной необходимостью, позволяющей компенсировать уход западных партнёров. Китайские инвестиции, технологии и растущий спрос на энергоресурсы создают основу для функционирования таких проектов, как «Ямал СПГ», и развития инфраструктуры Северного морского пути. Однако та же самая активизация китайского присутствия объективно усиливает конфронтационность Запада и используется НАТО для обоснования наращивания военного присутствия в регионе. При этом сам Китай, стремясь сохранить баланс, продолжает поддерживать отношения с другими арктическими странами, а китайские компании под давлением санкций вынуждены корректировать своё участие в российских проектах, что создаёт для России элемент неопределённости. Позиции

Японии и Южной Кореи, заморозивших участие в российских проектах под давлением санкционной политики, демонстрируют уязвимость экономического сотрудничества перед геополитическими факторами, хотя объективная основа для взаимного интереса сохраняется. Индия и Сингапур, действуя преимущественно в логике геополитического балансирования, также вносят элемент многовекторности в арктическую повестку.

Таким образом, перед Россией как крупнейшей арктической державой стоит задача адаптации к новой реальности, сочетающей жёсткое отстаивание национальных интересов с поиском альтернативных форм международного взаимодействия. Несмотря на то, что

диалог в рамках прежних институтов крайне затруднён, а стабильность региона подвергается серьёзным испытаниям, именно последовательная реализация национальных интересов в сочетании с открытостью к равноправному взаимодействию остаётся единственно возможной стратегией. Будущее Арктики будет определяться не столько способностью навязать свою волю силой, сколько умением предложить эффективные механизмы балансирования между конкуренцией и сотрудничеством, учитывающие интересы как арктических, так и неарктических государств при безусловном приоритете суверенитета и национальной безопасности прибрежных стран.

Список источников и литературы

1. *Аржанов И. А.* Военно-политическая безопасность в Арктике до и в контексте «украинского кризиса» / И. А. Аржанов // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. – 2024. – Т. 16, № 3. – С. 98-126. – DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-98-126.
2. *Баранникова А. О., Смирнов С. М.* Арктические амбиции стран Северо-Восточной Азии и перспективы сотрудничества с Россией // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 84-91. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/84-91>
3. *Гавриленко В. А.* Актуальные вопросы теории и практики правового регулирования политики Арктических государств в Арктическом регионе / В. А. Гавриленко, И. В. Головейко, Н. И. Уткин // Юридический вестник Самарского университета. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 80-88. – DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-80-88>.
4. *Галимуллин Э. З., Кашин В. Б., Крамаренко А. С.* Снежный Дракон: политика Китая в Арктике перед лицом новых вызовов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 358-370. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-358-370>
5. *Гехт А. Б., Веденина К. А.* Стратегия Швеции в арктическом регионе // В сборнике: Подготовка профессиональных кадров в магистратуре для цифровой экономики (ПКМ-2023). Всероссийская науч.-техн. и науч.-метод. конференция магистрантов и их руководителей. Сборник лучших докладов: в 2-х томах. Санкт-Петербург, 2024. С. 456-460.
6. *Журавель В. П.* Арктика в 2024 г.: международный и российский аспекты // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2025. № 1. С. 103-113. DOI: 10.15211/vestnikieran12025103113
7. *Журавель В. П.* Проблема освоения Арктики в условиях санкционного давления на Россию // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. №2. С. 32-40. DOI: 10.15211/vestnikieran220223240
8. *Журавель В. П., Гриняев С. Н.* Конец арктической исключительности: рецензия на монографию «Разморозка: борьба за будущее Арктики» // Арктика и Север. 2025. № 61. С. 265-272. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.61.265>
9. *Журавель В. П., Тимошенко Д. С.* Российская Арктика в период санкционного давления и геополитической нестабильности // Арктика и Север. 2022. № 49. С. 105-124. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.105

10. Зайков К. С., Кортунов Д. С. Арктика в эпоху постправды: риски для международной безопасности и сценарии противодействия // Арктика и Север. 2025. № 61. С. 147-172. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.61.147>
11. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года : утв. Указом Президента РФ от 26.10.2020 № 645. – Москва : [б. и.], 2020. – 38 с. – URL: https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972&ved=2ahUKEwjpwqC11duSAxW6gP0NHuUvILQQFnoECB4QAQ&usq=AOvVaw1RjYNPL5MY_7e36p2kAfmT (дата обращения: 17.03.2026)
12. Черняев М. В., Егорычева Е. А., Сидорова Е. Ю. Россия и Китай в Арктике: современное состояние и перспективы развития сотрудничества // Арктика и Север. 2025. № 61. С. 173-184. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.61.173>
13. Arctic Challenge Exercise 2023 [Electronic resource] // Finnish Defence Forces. – URL: <https://ilmavoiimat.fi/en/ace23-en> (last request: 08.05.2026).
14. Cold Response 2022 [Электронный ресурс] // Norwegian Armed Forces. – URL: <https://www.forsvaret.no/en/exercises-and-operations/exercises/cr22> (last request: 08.05.2026).
15. Dynamic MongOOSE 2023 Concludes [Electronic resource] // NATO Maritime Command. – URL: <https://mc.nato.int/media-centre/news/2023/standing-nato-maritime-group-one-completes-participation-in-exercise-dynamic-mongoose> (last request: 08.05.2026).
16. ICEX 2024: Arctic Under-ice Exercise [Electronic resource] // U.S. Navy. – URL: https://www.nepa.navy.mil/Portals/20/Documents/ICEX/FINAL%20ICEX%202024%20Supplemental%20EAOEA_1.24.24_508.pdf (last request: 08.05.2026).
17. NATO kicks off Steadfast Defender 2024 [Electronic resource] // NATO. – URL: <https://shape.nato.int/stde24/newsroom/news/-nato-marks-the-start-of-exercise-steadfast-defender-2024> (last request: 08.05.2026).

Дерябина Ивана Алексеевна – студент 3 курса направления «Международные отношения», Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, (г. Санкт-Петербург, Россия), ideryabina-23@ranepa.ru

Пронякина Елизавета Дмитриевна – научный руководитель – к. полит. н., доцент кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, (Санкт-Петербург, Россия), pronyakina-ed@ranepa.ru

NEW CHALLENGES FOR RUSSIA'S ARCTIC POLICY IN THE CONTEXT OF REGIONAL SECURITY AFTER 2022

I. A. Deryabina

The article is presented by the scientific supervisor – Candidate of Political Sciences, Associate professor. Pronyakina E. D.

This article examines the transformation of Russia's Arctic policy after 2022. The author analyzes the erosion of the concept of "Arctic exceptionalism" and the region's transition from a zone of dialogue to an arena of geopolitical confrontation. Four groups of challenges are identified: institutional crisis (the paralysis of the Arctic Council), militarization and expansion of NATO, sanctions pressure and technological blockade, information warfare, and the phenomenon of post-truth. Particular attention is paid to the dual role of non-Arctic states (China, Japan, South Korea, India, Singapore), cooperation with which creates both opportunities to compensate for the withdrawal of Western partners and new security risks. Based on an analysis of Russian and international sources, a conclusion is drawn regarding the need for Russia to adapt to a new reality, combining rigorous defense of national interests with the search for alternative forms of international cooperation.

Keywords: Arctic, regional security, Russia's Arctic policy, Arctic Council, NATO, non-Arctic states, China, sanctions, information warfare.

References

1. Arzhanov I. A. Voенно-politicheskaya bezopasnost' v Arktike do i v kontekste «ukrainskogo krizisa» [Military-Political Security in the Arctic Before and in the Context of the "Ukrainian Crisis"] / I. A. Arzhanov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika [Moscow University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics]. – 2024. – Vol. 16, No. 3. – pp. 98-126. – DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-98-126. (In Russ.)
2. Barannikova A. O., Smirnov S. M. Arkticheskie ambitsii stran Severo-Vostochnoy Azii i perspektivy sotrudnichestva s Rossiyei [Arctic Ambitions of Northeast Asian Countries and Prospects for Cooperation with Russia] // Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya [Oikoumene. Regional Studies]. 2024. No. 3. pp. 84-91. – <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/84-91> (In Russ.)
3. Gavrilenko V. A. Aktual'nye voprosy teorii i praktiki pravovogo regulirovaniya politiki Arkticheskikh gosudarstv v Arkticheskom regione [Current Issues of Theory and Practice of Legal Regulation of the Policy of Arctic States in the Arctic Region] / V. A. Gavrilenko, I. V. Goloveyko, N. I. Utkin // Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta [Legal Bulletin of Samara University]. – 2024. – Vol. 10, No. 3. – pp. 80-88. – DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-80-88>. (In Russ.)
4. Galimullin E. Z., Kashin V. B., Kramarenko A. S. Snezhnyy Drakon: politika Kitaya v Arktike pered litsom novykh vyzovov [Snow Dragon: China's Policy in the Arctic in the Face of New Challenges] // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations]. 2024. Vol. 24, No. 3. pp. 358-370. – <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-358-370> (In Russ.)
5. Gekht A. B., Vedenina K. A. Strategiya Shvetsii v arkticheskom regione [Sweden's Strategy in the Arctic Region] // V sbornike: Podgotovka professional'nykh kadrov v magistrature dlya tsifrovoy ekonomiki (PKM-2023). Vserossiyskaya nauch.-tekhn. i nauch.-metod. konferentsiya magistrantov i ikh rukovoditeley. Sbornik luchshikh dokladov: v 2-kh tomakh [In the collection: Training of Professional Personnel in Master's Programs for the Digital Economy (PKM-2023). All-Russian Scientific-Technical and Scientific-Methodological Conference of Master's Students and Their Supervisors. Collection of Best Reports: in 2 volumes]. – Saint Petersburg, 2024. – pp. 456-460. (In Russ.)
6. Zhuravel' V. P. Arktika v 2024 g.: mezhdunarodnyy i rossiyskiy aspekty [The Arctic in 2024: International and Russian Aspects] // Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN [Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences]. 2025. No. 1. pp. 103-113. – DOI: 10.15211/vestnikieran12025103113 (In Russ.)
7. Zhuravel' V. P. Problema osvoeniya Arktiki v usloviyakh sanktsionnogo davleniya na Rossiyu [The Problem of Arctic Development under Sanctions Pressure on Russia] // Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN [Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences]. 2022. No. 2. pp. 32-40. – DOI: 10.15211/vestnikieran220223240 (In Russ.)
8. Zhuravel' V. P., Grinyaev S. N. Konets arkticheskoy isklyuchitel'nosti: retsenziya na monografiyu «Razmorozka: bor'ba za budushchee Arktiki» [The End of Arctic Exceptionalism: Review of the Monograph "Thaw: The Fight for the Future of the Arctic"] // Arktika i Sever [Arctic and North]. 2025. No. 61. pp. 265-272. – DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.61.265> (In Russ.)
9. Zhuravel' V. P., Timoshenko D. S. Rossiyskaya Arktika v period sanktsionnogo davleniya i geopoliticheskoy nestabil'nosti [The Russian Arctic during the Period of Sanctions Pressure and Geopolitical Instability] // Arktika i Sever [Arctic and North]. 2022. No. 49. pp. 105-124. – DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.105 (In Russ.)

10. *Zaykov K. S., Kortunov D. S.* Arktika v epokhu postpravdy: riski dlya mezhdunarodnoy bezopasnosti i stsennari protivodeystviya [The Arctic in the Post-Truth Era: Risks for International Security and Counteraction Scenarios] // *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2025. No. 61. pp. 147-172. – DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.61.147> (In Russ.)
11. Strategiya razvitiya Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii i obespecheniya natsional'noy bezopasnosti na period do 2035 goda [Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the Period up to 2035] : utv. Ukazom Prezidenta RF ot 26.10.2020 No. 645 [approved by Decree of the President of the Russian Federation of October 26, 2020 No. 645]. – Moscow : [b. i.], 2020. – 38 p. – URL: https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972&ved=2ahUKEwjpwqC11duSAxW6gP0HHaUvILQQFnoECB4QAQ&usg=AOvVaw1RjYNPL5MY_7e36p2kAfmT (last request: 17.03.2026). (In Russ.)
12. *Chernyaev M. V., Egorycheva E. A., Sidorova E. Yu.* Rossiya i Kitay v Arktike: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya sotrudnichestva [Russia and China in the Arctic: Current State and Prospects for Cooperation] // *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2025. No. 61. pp. 173-184. – DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.61.173> (In Russ.)
13. Arctic Challenge Exercise 2023 [Electronic resource] // Finnish Defence Forces. – URL: <https://ilmavoimat.fi/en/ace23-en> (last request: 08.05.2026).
14. Cold Response 2022 [Электронный ресурс] // Norwegian Armed Forces. – URL: <https://www.forsvaret.no/en/exercises-and-operations/exercises/cr22> (last request: 08.05.2026).
15. Dynamic MongOOSE 2023 Concludes [Electronic resource] // NATO Maritime Command. – URL: <https://mc.nato.int/media-centre/news/2023/standing-nato-maritime-group-one-completes-participation-in-exercise-dynamic-mongoose> (last request: 08.05.2026).
16. ICEX 2024: Arctic Under-ice Exercise [Electronic resource] // U.S. Navy. – URL: https://www.nepa.navy.mil/Portals/20/Documents/ICEX/FINAL%20ICEX%202024%20Supplemental%20EAOEA_1.24.24_508.pdf (last request: 08.05.2026).
17. NATO kicks off Steadfast Defender 2024 [Electronic resource] // NATO. – URL: <https://shape.nato.int/std24/newsroom/news/-nato-marks-the-start-of-exercise-steadfast-defender-2024> (last request: 08.05.2026).

Deryabina Ivana Alekseevna – 3rd-year student majoring in International Relations, Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, (St. Petersburg, Russia), ideriabina-23@ranepa.ru

Pronyakina Elizaveta Dmitrievna – scientific supervisor – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations, Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, (Saint Petersburg, Russia), pronyakina-ed@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию: 26.03.2026; принята к публикации: 04.05.2026.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Дерябина И. А. Новые вызовы для арктической политики России в контексте региональной безопасности после 2022 года // *Социогуманитарные коммуникации*. – 2026. – № 2(16). – С. 114-124.

FOR CITATION:

Deryabina I. A. Novye vyzovy dlya arkticheskoy politiki Rossii v kontekste regional'noj bezopasnosti posle 2022 goda [New challenges for Russia's arctic policy in the context of regional security after 2022] // *Sociogumanitarnye kommunikacii* [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 114-124.